

М.С. Арсанукаева

*Профессор Российского
университета кооперации,
докторант — соискатель
Московской государственной
юридической академии,
кандидат экономических наук*

Обычное право чеченцев и ингушей (XIX — нач. XX вв.)

Обычное право всегда вызывало большой научный интерес и активную дискуссию в среде широкого круга исследователей: юристов, историков, этнографов и социологов. Однако, несмотря на то внимание к данной теме, которое проявляют современные ученые, в частности, историки права, выработать единый подход к изучению правовых обычаев, определить их действительную роль в жизни отдельных народов, в т.ч. и на современном этапе, выявить соотношение обычного, профессионального и позитивного права, на наш взгляд, так и не удалось. Как правило, безусловное признание роли правового обычая как источника права сочетается с попытками умаления или, наоборот, преувеличения его значения в регулировании общественных отношений в отдельные периоды истории.

Повышенный интерес к правовым обычаям, обозначившийся в последние десятилетия, объясняется, во многом, теми событиями, которые произошли и отмечаются в настоящее время в ряде республик Северного Кавказа, свидетельствуя о попытках возрождения некоторых норм шариата и адата (суд, кровная месть, многоженство).

Предметом настоящего исследования является выявление значения норм обычного права в обыденной жизни чеченцев и ингушей и анализ обязательственных отношений. Автор ограничивается временными рамками XIX — начало XX вв., т.к. именно с первых десятилетий XIX в. начинается активный поиск политических средств окончательного присоединения Северного Кавказа к Российской империи. В этот же период предпринимаются попытки распространения на так называемых «мирных» горцев, включая чеченцев и ингушей, российской судебно — правовой системы. Так, в одном из многочисленных проектов покорения кавказских племен прямо указывалось, что для «мирных» горцев необходимо «по мере надобности учреждать местные суды под председательством Русских военных или же Гражданских чиновников по усмотрению здешнего Главного начальства».¹ В 20-х гг. XIX в. по заданию правительства, начинается сбор, систематизация и детальное изучение горских адатов.

Еще в ходе Кавказской войны (1852 г.), кн. М.С. Воронцовым, наместником на Кавказе, в крепости Грозной был учрежден коллегиальный суд «Махкаме Чачани» по образцу действовавших в Кабарде и Осетии. В нем под председательством русского офицера депутаты от «мирных» чеченцев и кадий (духовное лицо) отправляли пра-

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 846, оп. 16, д. 6288, л. 319.

восудие по адатам и шариату (семейно-брачные и наследственные дела).² Основная заслуга создания суда, по мнению А.Л. Зиссермана, принадлежала кн. А.И. Барятинскому, исполнявшему в тот период должность начальника левого фланга Кавказской линии. Биограф будущего наместника отмечал, что имам Чечни и Дагестана Шамиль «стремился к решительной нивелировке всего подвластного ему населения; он не допускал никаких местных особенностей, ... и все подчинил одному общему для всех шариату, т.е. духовному суду по Корану...»³. Все это не совсем устраивало чеченцев, которые веками следовали, преимущественно, своим адатам. Оценив ситуацию, а также опасаясь влияния мусульманского духовенства, А.И. Барятинский, «задумал как раз противоположное...», т.е. отдал предпочтение адатам.⁴ Известно, что новый суд, претерпевший в дальнейшем некоторые преобразования, получил большую популярность у чеченцев («мирных» и даже «немирных»).

После завершения войны на Кавказе объявляется Высочайший Указ (1869 г.) о распространении на горцев Кубанской и Терской областей судебных уставов 1864 г. В горских словесных судах, учрежденных с 1870 г. и действовавших наряду с областными, сельскими (аульными) и третейскими судами⁵, большинство гражданских дел, сторонами в которых были горцы, рассматривалось и разрешалось на основе адатов и шариата⁶. Суда второй инстанции, в строгом смысле этого слова, не существовало⁷. По данному поводу сенатор Н. Рейнке писал, что в Терской и Кубанской областях «жалобы на решения горских судов приносятся начальнику области»⁸. Высшей инстанцией, рассматривающей дела то в апелляционном, то в кассационном порядке, то в порядке надзора, являлся наместник Кавказа⁹.

Таким образом, адаты горцев, равно как и шариат, не стали составной частью российской правовой системы. В горских словесных, сельских (аульных) и третейских судах применялись только те адаты, которые были систематизированы, исследованы и санкционированы местной военной администрацией. Судьями и кадиями могли быть лишь доверенные лица из горцев, рекомендованные начальниками горских округов и утвержденные в должности приказом начальника области. Рассмотрение и разрешение гражданских дел с применением норм адатов и шариата на вновь присоединенных территориях Северного Кавказа должно было носить, по планам российского правительства, временный характер и сохраняться

² Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1. Тифлис, 1907. С. 166; Хасбулатов А.И. Установление Российской администрации в Чечне (II пол. XIX — нач. XX вв.). М., 2001. С. 79.

³ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815—1879. Т. 1. М., 1889. С. 217.

⁴ Там же. С.217—218.

⁵ Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и, в частности, Терской области // Сборник законов, указов Правительствующему Сенату, положений Комитета Министров, правительственных распоряжений, разъяснений Государственного Совета и Правительствующего Сената. Владикавказ, 1914. С. 21.

⁶ Горские словесные суды действовали в составе председательствующего, которым являлся начальник округа или его помощник, трех членов суда из горцев и кади (духовного лица). См.: Материалы по обозрению Горских и Народных судов Кавказского края. Собр. В.Д. Бушеном. СПб., 1912. С. 138.

⁷ Карганов Н.А. О горских словесных судах на Северном Кавказе. Пг., 1914. С. 4—9.

⁸ Рейнке Н. Указ. соч. С. 15; Материалы по обозрению Горских и Народных судов Кавказского края. С. 14.

⁹ Там же. С. 14.

до окончательного утверждения «российской гражданственности». Такой подход объяснялся опасностью возможных волнений среди горцев.

Правовые обычаи у народов Северного Кавказа (том числе у чеченцев и ингушей), называемые «адатами», возникли на базе родоплеменных отношений и натурального хозяйства, действовали на ограниченном пространстве в отношениях между конкретными социальными группами, родами и племенами. Адаты формировались и совершенствовались в процессе заимствования норм шариата и обычного права соседних кавказских народов. Причем воспринимались только те из них, которые не противоречили местным правовым обычаям и традициям. Новые нормы адатного права обсуждались на советах авторитетных членов вайнахских¹⁰ обществ, получивших признание и уважение в народе благодаря знаниям и опыту. Все предложения по данному вопросу обсуждались на народных собраниях («Мехк — кхел») отдельных вайнахских «тайпов» (тукхумов)¹¹ и принимали силу закона только после одобрения такими собраниями с участием совершеннолетних и дееспособных мужчин¹².

Известно влияние ислама на правовые обычаи народов Северного Кавказа, что является доказанным фактом и стало предметом современных исследований, в числе которых особо следует отметить работы З.Х. Мисрокова¹³. Процесс исламизации чеченцев, как считает историк религии С.-А. Нунуев, включал несколько этапов: «VIII — IX вв. — период арабо-хазарских войск; XI — XII вв. — через исламизированные верхи половцев; XII — XIV вв. — через Золотую Орду; конец XV — начало XVI в. — из Дагестана, Кумыки, Кабарды, Крымского ханства, Турции и Ирана»¹⁴. Окончательный «разворот» Чечни в сторону мусульманской религии, по мнению исследователя М. Блиева, произошел под влиянием проповеднической деятельности шейха Мансура (1785—1791 гг.)¹⁵. Ингуши, как известно, шли к исламу и шариату более длительным и сложным путем¹⁶.

По шариату у чеченцев и ингушей рассматривались и разрешались дела, связанные с заключением и расторжением брака, опекой и попечительством, наследованием.

До окончательного включения чеченцев и ингушей в сферу российской государственности нормы обычного права и шариат обеспечивали определенную ста-

¹⁰ Вайнахи — самоназвание чеченцев и ингушей.

¹¹ Тайп у чеченцев и ингушей — род, тукхум — фратрии, союзы родов.

¹² Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1890. С. 90—91.

¹³ Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX — XX в.): Дисс... докт-ра юрид. наук. М., 2003; Его же. Феномен мусульманского права в процессах динамики систем права России (XIX — нач. XX вв.) // Журнал российского права. — 2002. — № 10. — С. 153—158; Его же. Феномен адатского и мусульманского права народов Северного Кавказа в процессах трансформации российской государственности (XIX — нач. XX вв.) // Государство и право. — 2002. — № 11. — С. 110—115; Его же. Конвергенция адата, шариата права России в процессах динамики отечественных систем права (XIX — нач. XX вв.) // История государства и права. — 2002. — №5. — С. 27—31.

¹⁴ Нунуев С.-Х. Об особенностях ислама в Чечне / Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С. 531.

¹⁵ Акаев В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность / Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. С. 88.

¹⁶ Арсанукаева М.С. Политика христианизации горцев Северного Кавказа в середине XVIII — первой половине XIX в. (на примере ингушей) / Роль религии в становлении Российской государственности: исторический опыт и современность. Международная научно-практическая конференция. 21 декабря 2007 года. Магнитогорск — Челябинск, 2007. С. 46—53.

бильность и поддерживали порядок, регулируя различные отношения в вайнахских обществах. После присоединения чеченцев и ингушей к России значительную роль в регулировании общественных отношений стало играть российское имперское право.

Наиболее важными исследованиями по обычному праву чеченцев и ингушей служат работы В.И. Леонтовича, Б. Далгата, У. Лаудаева, А.П. Берже, Н.Н. Харузина, А.П. Ипполитова и других дореволюционных авторов¹⁷. Адатное право чеченцев и ингушей стало предметом научного анализа в целом ряде работ, подготовленных в советский и постсоветский периоды. Особенно возрос интерес к чеченским и ингушским адатам в последние годы¹⁸. Однако многие вопросы, связанные с действием адата в сфере, например, частного права, нуждаются в более подробном изучении и тщательном анализе. В связи с этим остановимся на анализе обязательственных отношений у чеченцев и ингушей и их регулировании нормами обычного права.

Отличительной особенностью обычного права является многосубъектность. Г.В. Мальцев выделяет несколько видов или уровней соответствующих субъектов. В первую группу входят, по мнению исследователя, крупные социальные группы, затем следуют подгруппы или ассоциированные надстроечные группы (союзы племен, поселений, деревень и т.п.), обычное право которых складывается за счет обычно-правовых норм союзников¹⁹. На этом уровне выделяется семья, рано заявившая о себе как о субъекте права в области родственных и семейно-брачных отношений. При этом всегда присутствует еще один уровень — индивидуальный, где носителем прав и обязанностей выступал родич, общинник, член социальной группы, семьи²⁰.

Представляется, что у чеченцев и ингушей также выделяются разные уровни и группы субъектов обычного права, укладываемые в общую схему их политической организации: народ, «тукхум» (союз родов), «тайп» (род), «некъи» (ответвления от одного предка), «гар» (фамилии), «дъозал» (семья)²¹.

При определении правового статуса индивида среди чеченцев и ингушей в первую очередь действовал принцип «свой — чужой». Полной правосубъектностью

¹⁷ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1—2. М., 1890; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. В 2 т. Одесса, 1882—1883; Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895; Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк // Терский сборник. Кн. 2. Владикавказ, 1892; Иваненков И.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910; Максимов Е. Чеченцы: историко-географический и статистический очерк // Терский сборник. Выпуск 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893; Харузин Н.Н. Записки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888; Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. 2—3. Владикавказ, 1935 и др.

¹⁸ Кокурхаев К.-С.А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989; Гантермирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII — первая половина XIX вв.): Автореф. дисс... канд-та юрид. наук. М., 1972; Харсиев Б. М. — Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры: Дисс... канд-та филос. наук. Ростов н/Д., 2003; Цуров М.М. Обычное право ингушей // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д., 1999; Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев: Дисс... канд-та юрид. наук. Махачкала, 2006 и др.

¹⁹ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. С. 42.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ Авторханов А. К вопросам изучения тейп, тукумов и классовой борьбы в чеченской деревне // Революция и горец. — 1931. — № 4. — С. 26.

наделялись только члены коренных родов (тайпов). Статус пришлых («чужих»), не принадлежавших к местному, доминирующему тайпу, носил ограниченный характер. Главное ограничение заключалось в отсутствии у переселенцев права занимать земельный участок без согласия членов местного тайпа, выступавшего в роли патрона. Кроме того, переселенцы лишались права голоса на общих собраниях, избрания в руководящие органы управления, вступления в брак с женщинами коренных родов. Хотя могли быть и отдельные исключения, связанные с личностью того или иного лица. Даже приняв ислам, чеченцы в исключительных случаях соглашались на выдачу замуж своих дочерей немусульманам. Например, начальник Аргунского округа А.П. Ипполитов (вторая половина XIX в.) был женат на чеченке, но получил на это согласие лишь после того, как изучил язык и обычаи чеченцев и стал следовать им.

Все свободные и правоспособные мужчины, главы семей в чеченских и ингушских родах (тайпах) имели равные права в сфере гражданско-правовых отношений. С утверждением норм шариата особую значимость приобрела религиозная принадлежность того или иного лица. Под влиянием шариата некоторые ограниченные права получили женщины.

Адаты свидетельствуют о бесправии рабов: «лаев» и «ясырей»²², хотя в повседневной жизни с разрешения хозяина оно могли совершать определенные сделки (мены, купли-продажи и др.). За неисполнение обязательств, принятых на себя рабом по гражданско-правовым договорам, нес ответственность его хозяин.

Объекты обычного права у чеченцев и ингушей были самыми разнообразными: земля, скот, инвентарь, повозки, индивидуальные вещи и др. На основе норм адата на протяжении длительного времени у чеченцев и ингушей регулировались фактически все общественные, в том числе обязательственные отношения.

Известно, что понятие обязанности у кавказских народов ограничивалось двумя основными принципами адатного права: во-первых, обладанием каким-либо статусом, и, во-вторых, взаимностью прав и обязанностей. Представляется, что у чеченцев и ингушей, в отличие от остальных горцев, имевших выраженные сословные различия, члены одного и того же тайпа (рода) имели равные права в сфере гражданско-правовых отношений, в том числе и при заключении сделок.

Харсиев Б. Х. - Г. указывает следующие основания возникновения обязательств («декъар») у ингушей: публичные (генетические); из правонарушений (деликтов); из договоров; из других оснований²³.

В соответствии с первым видом обязательств смыслом жизни каждого ингуша является «постоянное служение семье, родственникам, роду, народу, ближним». Обязательства второго вида возникают из неправомерных действий, совершаемых по отношению к отдельной личности, квалифицируемых как обида. Последствием деликта является стремление потерпевшего наказать обидчика и получить возмещение, а у нарушителя возникала обязанность возместить причиненный вред. Обязательства третьего вида выражали отношения, возникающие из договоренности (соглашения), в силу которой одно лицо имело право требовать от другого исполнения чего-либо в свою пользу. Обязательства, вытекавшие из договоров,

²² Освобождены в 60-х гг. XIX в. См.: Гриценко Н.П. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV- первая половина XIX в.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976. С. 276—298.

²³ Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры: Автореф. дисс... канд.та философии. Ростов н/Д., 2003. С. 19 — 20.

носили имущественный характер, и рассматривались как личная связь между кредитором и должником²⁴.

В целом определение понятий «договор», «соглашение», «предмет договора», «объект договора», «стороны договора», вследствие неразвитости письменного права, у вайнахов отсутствовало, но представление об их содержании уже сложилось.

Все сделки делились на две группы: с отчуждением вещи и без такового. Первый вид договора требовал совершения определенных процедур, т.е. носил формализованный характер: совершение в определенном месте, в присутствии авторитетных лиц, свидетелей, произнесение сторонами и их представителями (свидетелями доброй славы) клятв и т.д. К ним относились договоры купли-продажи, дарения, наследства.

Договоры заключались как в устной, так и в письменной форме. С принятием ислама заключение наиболее важных сделок происходило при участии муллы или кадия, а также свидетелей, заслуживающих доверия. Более того, свидетелями при заключении договоров должны были только те сородичи, которые в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора могли отвечать перед кредитором своим имуществом.

С установлением арабской графики наиболее важные договоры оформлялись письменным контрактом, который подписывался сторонами или их доверенными лицами (указанием имени или приложением пальца). Однако большая часть договоров заключалась в устной форме в присутствии свидетелей, и признавались заключенными посредством дачи слова²⁵.

Для действительности договора было необходимо существование следующих условий: 1) правосубъектность сторон; 2) согласие сторон; 3) соответствие заключаемого договора по своему предмету, условиям и порядку заключения нормам адатного права.

Предметом договора могли стать все вещи с индивидуальными признаками, отторжение которых не требовало согласия остальных сородичей, членов как малой или большой семьи, так и всего тайпа (рода). Согласие родственников требовалось лишь при заключении сделок со всеми объектами, составлявшими общую собственность: земля, постройки, скот, семейные реликвии, предметы культа и др.²⁶

Договор выступал в качестве средства правового регулирования как имущественных, так и неимущественных отношений. Сторонами договора могли выступать только свободные мужчины из разных семей и родов (тайпов), достигшие совершеннолетия (по некоторым данным 15 лет) и обладающие гражданской правосубъектностью (правоспособностью и дееспособностью). В отличие от шариата (мусульманского права) чеченские и ингушские адаты не признавали гражданскую правоспособность женщины. Однако по мере усиления ислама и утверждения новых условий жизни женщины могли заключать некоторые незначительные сделки, вести дела семьи в отсутствии мужа или его болезни и даже наследовать.

В некоторых случаях у ингушей признавались действительными также договоры, заключенные с несовершеннолетними, что противоречило традициям сильной (широкой) власти отца и домовладыки. В таких случаях в семьях происходили ссоры и разделы, так как главы больших семей не терпели самоволия своих подвласт-

---

²⁴ Там же. С. 19—20.

²⁵ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357.

²⁶ Там же.

ных, а отцы — самостоятельности детей²⁷. Однако традиционно действовало правило, в соответствии с которым сделки с недееспособными лицами признавались недействительными.

Наиболее важные договоры требовали присутствия свидетелей. Таковыми могли быть только те сородичи, которые в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора могли отвечать перед кредитором своим имуществом или правомочные принуждать представляемого (должника) к исполнению долга.

От имени недееспособных и несовершеннолетних действовали их представители, опекуны и попечители («верс»). В интересах женщин (дочерей, сестер, жен) действовали их отцы, братья, мужья, родственники мужа (если это были вдовы, живущие в доме мужа после его смерти, или в отсутствие мужа по разным причинам — плен, отходничество, ссылка, заключение тюрьму), совершеннолетние сыновья (в случае смерти мужа).

При заключении договора сторонами самостоятельно определялись предмет договора, сроки его исполнения и вознаграждение за выполненную работу (цена, оплата труда и т.д.). Отступление от условий договора не допускалось. В случае дополнительной договоренности или по решению маслагатского (третейского) суда при явной несостоятельности должника допускался возврат долга по частям, что опять же было возможно только с согласия кредитора.

Неисполнение договора грозило применением типичных для всех случаев санкции — стороны прибегали к маслагатскому или адатному суду. Ответственность по договору носила двухсторонний характер. С упрочением норм ислама и шариата исполнение условий договора стало обязанностью горца и как мусульманина.

Большинство деликтов (правонарушений), предусмотренных обычным правом, рассматривалось как посягательство на права частного лица. Совершение частных деликтов ставило обидчика (правонарушителя) в положение должника не только перед потерпевшим, но и его семьей, а также родом (тайпом).

Сформировалось также представление и о публичном деликте, чаще всего рассматриваемого как посягательство на интересы рода (тайпа) или тукхума. Это могли быть убийство и оскорбление, поджог чужого имущества, кража (захват чужого) и тайное его истребление, потрава и жатва чужого поля, особенно в ночное время, посягательство на гору и лесной участок, пастбища. В таких случаях использовались различные наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления по представлениям отдельных сообществ (семьи, рода, тукхума).

Договоры могли носить как имущественный, так и неимущественный характер. Для горцев Кавказа были характерны так называемые договоры воспитания — аталычество, сыгравшие важную роль в упрочении межсемейных, межтайповых и межплеменных отношений²⁸. Обычай аталычества заключался в том, что новорожденный отдавался в чужую семью на воспитание. Перед тем как приступить к выполнению своих обязанностей аталык заключал договор с отцом воспитанника. По достижении совершеннолетия воспитанник передавался отцу в присутствии остальных родственников и аталык получал обещанное вознаграждение. Многие аталыки незнатного происхождения разорялись, пытаясь обеспечить воспитанника.²⁹ На воспитание могли отдаваться как мальчики, так и девочки.

²⁷ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357.

²⁸ Кокиев Г. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. — 1929. — № 3(5). — С. 49—53.

²⁹ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. С. 14—16.

Договором неимущественного характера можно считать соглашение о вскармливании ребенка, по которому кормилица (молочная мать) получала вознаграждение не только от родителей ребенка, но (по достижении совершеннолетия) и от самого молочного сына. Молочное родство строго соблюдалось, как этого требовали адат и шарият³⁰.

Исторически первым у чеченцев и ингушей возник договор мены. По сведениям Н.Е. Иваненкова, между горными чеченцами давно практиковался обмен земельными участками³¹. Б. Далгат также отмечал, что у ингушей обмены сенокосными и пашенными участками практикуется достаточно часто. Например, в случаях, когда кому-либо по жребию участок доставался далеко от дома³².

По мере развития хозяйственных и товарно-денежных отношений возникли и другие виды договоров: купли-продажи, оказания услуг (перевозки, строительства, хранения и др.), аренды (в том числе земли, скота, средств перевозки), найма. Ингуши знали также и договоры подряда, доставки сена, исполнения работы и др.³³ Важную роль в хозяйственной деятельности чеченцев и ингушей играли договоры о совместном труде, связанные с обработкой земли, пастьбой скота, сенокосением, строительством, рытьем канав и др. работами, т.е. договоры товарищества.

С развитием товарно-денежных отношений наибольшее распространение получил договор купли-продажи. Объектом купли-продажи могли быть любые вещи, в том числе земля и скот (как крупный рогатый, так и мелкий). Договор купли-продажи скреплялся рукобיתем, служившим доказательством того, что сделка состоялась. Большинство договоров купли-продажи заключалось в устной форме и присутствии свидетеля³⁴. Продавцу разрешалось увеличивать первоначальную цену за вещь, так как считалось естественным, что каждый хочет продать вещь дороже. При продаже продавец обязывался сообщать о недостатках вещи. Обман или умолчание этих недостатков обязывало продавца дать присягу, которой он доказывал, что не знал о недостатках вещи или продал исправную вещь. Задаток при продаже вещи не брался³⁵.

В конце XVIII — XIX вв. важным объектом купли-продажи становится земля³⁶. Родственникам продавца принадлежало право преимущественной покупки продаваемого участка, традиционно признаваемого общей собственностью. В случае несоблюдения данного условия, договор расторгался приговором общества, и проданная земля отчуждалась в пользу фамилии (семьи).

У горных ингушей не практиковалась покупка земли целым обществом (тайпом) у другого общества (тайпа). На плоскости такие договоры заключались по общественным приговорам, т.е. договор купли-продажи такого рода требовал согласия всех членов этих обществ (взрослых мужчин)³⁷. С течением времени земельные участки стали отчуждаться по усмотрению владельцев любому, в том числе постороннему лицу, заплатившему большую цену. Горские общества чаще всего

³⁰ Арсанукаева М.С. Родство в мусульманском и обычном праве чеченцев // Религия и право. — 2003. — № 1. — С. 26.

³¹ Иваненков И. С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 30—43.

³² Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 359.

³³ Там же. С. 360.

³⁴ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357; Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры. С. 20.

³⁵ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357.

³⁶ Иваненков Н.В. Горные чеченцы. С. 43—44.

³⁷ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357.

выступали против подобной практики, и нередко на своих сходах выносили запретительные приговоры, так как видели в ней нарушение права общей собственности на родовые участки³⁸.

Н.Е. Иваненков сообщает, что купля-продажа земли и скота у чеченцев существовала с давних времен. Когда еще не было денежных знаков (русских, персидских, грузинских), по адатам за один загон платили одного быка. Во времена имамата Шамиля один бык стоил 10 руб., корова — 5 руб., баран или овца — по 1 руб.³⁹ Во второй половине XIX в. десятина земли в среднем по нагорной полосе Чеченского района, по тем же данным, оценивалась по 114 руб. (от 66 до 81 руб. в Шатое, до 178 — 206 руб. в Шарое и Макажое). Цена зависела, прежде всего, от наличия свободной земли⁴⁰.

С возникновением земельной собственности и утверждением широких владельческих прав, что особенно характерно для второй половины XIX — начала XX вв., отмечается развитие арендных отношений. В аренду сдавались не только пахотные земли, но также сенокосы и пастбища («лам» — гора, скот). По специальным приговорам пастбища могли сдаваться и целым обществам.

В указанный период арендаторами были почти все жители нагорной полосы, временно проживающие крестьяне, а также значительная часть коренных жителей равнинной части округов Терской области⁴¹. В равнинной части землевладельцы сдавали земли в аренду только за деньги, а в нагорной полосе сохранялась преимущественно натуральная или отработочная аренда.

Н.В. Иваненков указывает на существование у чеченцев бессрочного залога, называемого «кериесна», с правом пользования землею. Его отличие от договора аренды в том, что у владельца — залогодателя возникал риск лишиться земли, а у другого (залогодержателя) — надежда ее приобрести навсегда. Средняя цена залога равнялась 11 руб., а десятины — 66 руб.⁴² Аренда земли на один посев стоила в горах от 3 до 18 руб. за десятину, т.е. ниже дохода от «кариесны». Договор аренды не имел своего названия, и обычно говорили, что тот или иной человек «загон продал на один год». Кроме того, в нагорной Чечне отдача земли в аренду производилась в обмен на часть урожая, например, из половины зерна, а вся солома шла в пользу арендатора⁴³.

В аренду, как уже указывалось, сдавали и скот. В Ингушетии за быка в сутки платили 20 коп., за пару сохи — 1 р. 20 коп. в день⁴⁴.

Кроме того, в наем отдавались мельницы, дома или часть дома. За наем дома платили обычно по 3 — 5 руб. в мес. Дороже обходилось снять комнату с дровами. Плату вносили вначале или по окончании срока аренды⁴⁵.

Распространенным видом аренды в этот период стала субаренда, объектами которой были также скот и земля. Особое внимание уделялось земле, которая служила основным предметом спекулятивных сделок, ибо анализ источников показывает, что субарендные цены превышали арендные в несколько раз. Если арендатором был человек со стороны или другой национальности, то стоимость аренды возрастала еще больше.

³⁸ Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. С. 43—44.

³⁹ Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. С. 122.

⁴⁰ Там же. С. 122—123.

⁴¹ Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Орджоникидзе, 1992. С. 121.

⁴² Иваненков Н.В. Горные чеченцы. С. 123.

⁴³ Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. С. 123 — 124.

⁴⁴ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 359.

⁴⁵ Там же.

Во второй половине XIX — начале XX вв. широкое распространение получили договоры займа. Договор займа должен был быть безвозмездным, как этого требовал шариат, но чаще всего предполагал возмещение в виде процентов. Н.Ф. Грабовский отмечал, что у ингушей существовали хищнические проценты не только на деньги, но и на баранов⁴⁶.

Займы делились на срочные и бессрочные. Ингуши брали деньги у родственников по 5 коп. с рубля в месяц (10% в год). Взаймы давался и хлеб. Долги могли выплачиваться посредством исполнения определенного объема работы или хлебом⁴⁷. Проценты также взимались наперед⁴⁸.

Деньги ссужались в долг и ростовщиками, которые обычно брали залог в обеспечение долга. При заключении договора займа обязательно требовалось поручительство⁴⁹. Между кредитором и лицом, отвечающим за исполнение обязательства должником, полностью или частично, составлялось соглашение, что поручитель отвечает перед кредитором за надлежащее исполнение договора должником.

Н.Е. Иваненков сообщает о кабальных условиях займа в горной Чечне⁵⁰. «Вообще замечается, — пишет он, — что чем недоступнее и отчужденнее от других какое-либо селение, тем и деньги дороже. По большому торговому тракту Шатой — Итум-кале деньги идут на 20 — 25 %; в других же местах не меньше 40-50%»⁵¹.

Кроме того, среди горцев получил распространение и договор ссуды, по которому деньги и вещи передавались другой стороне при условии возврата как с уплатой, так и без уплаты процента.

Чеченцам и ингушам были известны также договоры найма (имущественного и личного). Когда ингуши нанимали работника, то хозяин платил деньги вперед. Если же работник умирал, то оставшаяся сумма считалась, по сведениям Б. Далгата, «кровавой платой» и отдавалась родственникам работника. Если же работник болел и не смог выполнить оговоренный объем работы, то завершал ее по выздоровлении. Если работник уходил, не доработав, то возвращал за все недоработанное⁵².

Обычай регулировал оплату труда наемного работника⁵³.

Ингуши знали также договоры подряда, перевозки, доставки сена, исполнения работы и др. Одним из древнейших договоров у чеченцев и ингушей был договор товарищества, который выступал скорее как институт взаимопомощи. Как писал Н. Харузин, обеспечение взаимных обязательств по данному договору происходило в добровольном порядке⁵⁴.

По договору хранения у чеченцев и ингушей не предполагалось право пользования вещью. Лицо, принявшее на себя такое обязательство, должно было бережно ее хранить и по требованию хозяина возвратить. Невозвращение вещи расценивалось как ее кража, и в пользу собственника взыскивалась стоимость присвоенного имущества. За ущерб, причиненный хозяину вещи, отвечал принявший ее на хранение⁵⁵.

⁴⁶ Грабовский Н.Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 100—101.

⁴⁷ Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 359.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Иваненков Н.В. Горные чеченцы. С. 124.

⁵¹ Там же.

⁵² Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 357 — 358.

⁵³ Там же. С. 359.

⁵⁴ Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. С. 103.

⁵⁵ Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII — первая половина XIX вв.): Дисс... канд-та юрид. наук. М., 1972. С. 106.

Ответственность за неисполнение договора могла быть различной, но чаще всего заключалась в принуждении должника к выполнению всех условий соглашения. Кроме того, по чеченским адатам, собранным в 1844 г., должник не мог выдать свою дочь замуж без разрешения кредитора, т.е. до оплаты долга. Таким образом, ответственность по обязательствам могла приобрести личный характер⁵⁶.

Горские адаты не знали собственно исполнительного производства. Однако все же сложились некоторые механизмы принуждения к исполнению решений маслагатских и адатских судов в случае несоблюдения принципов добровольности и обязательности. Как отмечает Ф.А. Гантемирова, имущественные споры, возникавшие из неисполнения принятых обязательств, могли разрешаться не только путем удержания задатка или залога, но и самосуда, выражавшегося в присвоении чужого имущества⁵⁷. «Адат, — писал А.П. Берже, — предоставляет обиженному право во всякое время украсть у обидчика лошадь или какую-либо ценную вещь. Он представляет похищенные им предметы старикам, которые, оценив их, выделяют ту долю, на которую он имеет право, остальное же возвращает хозяину»⁵⁸. Этот обычай существовал и у остальных кавказских горцев.

Таким образом, адат и шариат служили важнейшими регуляторами общественных отношений чеченцев и ингушей, возникавших в сфере межгрупповых и межличностных отношений. Вайнахские адаты характеризовались многосубъектностью, ответственностью первоначально рода и семьи за своего сородича, а затем и отдельного индивида по своим обязательствам. Адат, сформировавшийся веками, в чистом виде действовал, преимущественно, до исламизации и присоединения Чечни и Ингушетии к Российской империи. С утверждением ислама многие нормы адата были приведены в соответствии с шариатом (мусульманским правом). В конце XVIII — начале XIX вв. (особенно после Кавказской войны) возросло значение российского права. Эта тенденция усилилась к концу XIX — нач. XX вв.

Особенностью адата у чеченцев и ингушей является неразработанность многих норм, связанных с общественными отношениями, возникавшими в различных сферах торговли и хозяйственной жизни. Все это объяснялось низким уровнем развития товарно-денежных отношений и вовлеченности горцев в сферу рынка и предпринимательства до последней трети XIX в. Нормы договорного права, как и все адаты, формулировались в виде казусов и отличались низкой юридической техникой.

Что касается обязательств личного характера, относящихся, прежде всего, к защите чести и достоинства рода, семьи и отдельного индивида, здесь адаты сохранили традиционно преимущественное действие в сочетании с шариатом (мусульманским правом) и применялись в горских словесных (сельских (аульных), третейских судах в случаях, не противоречащих нормам российского права.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что для чеченцев и ингушей большую значимость имели именно нормы адатов, которые отличались гибкостью, и лучше отвечали традициям горского общества, чем достаточно жесткие нормы шариата и мусульманского права. Вместе с тем в приоритете адатов по отношению к нормам шариата (мусульманского права) особую заинтересованность проявляли как верхушка чеченского общества, в котором уже сформировалась своя духовная и светская знать, эксплуатирующая в различных формах соплеменников и сородичей, так и кавказская администрация, опасаящаяся упрочения ислама и шариата в этом регионе.

⁵⁶ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. II. С. 115.

⁵⁷ Гантемирова Ф.А. Общественный строй и обычное право чеченцев и ингушей. С. 107.

⁵⁸ Берже А.П. Чечня и чеченцы. С. 104.